

связанными, в том числе, с постоянным оттоком старожильского населения и притоком гастарбайтеров из мусульманских регионов. В регион пришла «новая» религия, которая стала мощно развиваться и пополняться новыми членами. Это мусульманство. Данная тенденция требует особого внимания и комплексных исследований.

Литература

1. Башлыков Т.В. Религиозная ситуация на территории Крайнего Северо-Востока России: состояние и тенденции развития: диссертация... кандидата социологических наук: 22.00.06. — Тамбов, 2004. — 143 с.
2. Дударенок С.М., Поспелова А.И., Поспелова С.В. Особенности религиозной ситуации в Магаданской области (60-90гг. XX в.) // Религиоведение, — 2003, — № 3. — С. 34-50.
3. Дудник О.В., Салтанов Е.Н. Об этноконфессиональной обстановке в Магаданской области: результаты социологического исследования / Экономика и экономические науки. — СПб, 2014 с.35
4. Поспелова А.И. Религиозная ситуация в Магаданской области//Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно -аналитический бюллетень РАГС. — М., 2000. № 3. С. 54-61.
5. Поспелова А.И. Поспелова С.В. Магаданская область // Православная энциклопедия, Т.42: ЦНЦ "Православная Энциклопедия". — Москва, 2016 г.
6. Поспелова А.И., Барбарук А.В. Формирование образа нетрадиционных религиозных организаций в массовом сознании россиян (на примере магаданской области)В сборнике: Свобода совести в России: исторический и современный аспекты сборник статей. 2018. С. 314-328.
7. ТАОСОРОА МО. Д. 3. Л. 15-20.
8. ТАОСОРОА МО. Д. 4. Л. 59.
9. ТАОСОРОА МО. Д. 5. Л. 85.
10. ТАОСОРОА МО. Д. 6. Л. 12-24.
11. Федирко О.П. Модели государственно-конфессиональных отношений на российском Дальнем Востоке // Религиоведение. 2014. № 4. С. 58-66.
12. Федирко О.П. Некоторые особенности становления государственно-конфессиональных отношений на Дальнем Востоке России в период его открытия и начального освоения // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: мат-лы Второй междунар. науч. конф. (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.) / редкол.: С.М. Дударёнок [и др.]; отв. ред. С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. — Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. — С. 368-370.
13. ЦХСД МО. Ф. 21. Оп. 41. Д. 1. Л. 118
14. ЦХСД МО. Ф. 23. Оп. 40. Д. 1. Л. 54-56

Реутов Е.В.

Специфика религиозного самоопределения молодежи (региональный аспект)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. На основе данных общероссийских и региональных социологических исследований следует сделать вывод о более низком уровне религиозности молодежи, чем у населения в целом. Однако эта разница может достаточно сильно варьировать в зависимости от конфессиональной принадлежности, региона проживания и характера религиозной политики местных властей. В Белгородской области уровень религиозности молодежи немного ниже, чем населения в целом. Признают себя верующими людьми около 70% подростков и молодежи. Однако религиозность большинства из них носит поверхностный характер. В основном вера в Бога рассматривается ими как следование морально-этическим нормам или как духовно-психологический ресурс. Регулярное посещение церкви отмечено менее чем у десятой части подростков и молодежи, признающих себя верующими людьми. По меньшей мере треть

признающих себя верующими являются приверженцами внецерковных и внеобрядовых принципов верования и примерно еще столько же, если не больше — стихийными сторонниками соответствующих практик.

Ключевые слова: молодежь; религиозность; вера; религиозное самоопределение.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант "Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции" № 18-011-00474.

Reutov E.V.

Specificity of religious self-determination of youth (regional aspect)

National research university «Belgorod State University»

Abstract. Based on the data of all-Russian and regional sociological studies, a conclusion is drawn about a lower level of religiosity among young people than among the population as a whole. However, this difference can vary quite a lot depending on the confession, region of residence, and the nature of the religious policy of the local authorities. In the Belgorod region, the level of religiosity of young people is slightly lower than the general population. About 70% of teenagers and youth recognize themselves as believers. However, the religiosity of most of them is superficial. Basically, they perceive faith in God as following moral and ethical standards or as a spiritual and psychological resource. Less than 10% of adolescents and youth who recognize themselves as believers regularly attend church. At least a third of those who recognize themselves as believers are adherents of non-church and non-religious principles of belief, and about as much, if not more, are spontaneous supporters of relevant practices.

Key words: youth; religiosity; faith; religious self-determination.

Разнонаправленные и противоречивые тенденции глобального развития отражаются на функционировании практически всех фундаментальных общественных институтов. Не являются исключением институты религии, церкви и религиозная культура в целом. Их трансформация также имеет разнонаправленную динамику — в зависимости от цивилизационных, культурных, конфессиональных и страновых особенностей. Но есть еще одно измерение трансформаций религиозных институтов, имеющее отношение к социальной структуре общества. Религиозная или узкоконфессиональная культура может характеризоваться равномерной инклюзией, то есть приблизительно одинаково распределяться по всем социальным группам конкретного социума. Такая схема проникновения религиозной культуры характерна для традиционных обществ христианской и исламской культуры. Так, многие современные исламские государства демонстрируют высокую значимость религиозного компонента ценностной системы и образа жизни для подавляющего большинства населения — вне зависимости от статусных характеристик. То же самое наблюдалось в европейских обществах до эпохи Модерна.

В модернизированных и секуляризированных обществах светское сознание и образ жизни широко распространены в различных социальных группах, однако в таких обществах, как правило, сохраняются анклавности религиозности в виде отдельных сельских и небольших городских общин, а также старших возрастных групп. В крупных же городах и особенно среди людей молодого и среднего возраста религиозность и, тем более, воцерковленность являются, скорее, исключением, нежели нормой. Однако значительное количество стран, расположенных в промежутке между религиозным традиционализмом и Модерном, дают более сложную картину взаимосвязи религиозности и социальной структуры общества. В этих обществах различия в уровне религиозности отдельных социальных групп выражены заметнее, чем в странах со светской культурой и, естественно, намного сильнее, чем в традиционных религиозных обществах. Основными переменными, связанными с уровнем религиозности, в переходных обществах становятся: поселенческий статус, уровень дохода, образования и возраст. И хотя взаимосвязь возраста и религиозности при анализе глобальных социологических данных не является статистически значимой, фактор последнего приобретает очень большое значение в случае десинхронизации социального процесса — формирования

зазоров между, например, культурным и технологическим развитием общества, а также резким ускорением (модернизация) или же, наоборот, стагнацией социального процесса (застой, демодернизация). Межпоколенческие ментальные разрывы, формирующиеся в условиях дискретности социально-исторического процесса, могут отразиться и на религиозной ситуации в обществе.

Целью данной статьи является определение уровня и характера религиозного самоопределения молодежи. При этом под религиозным самоопределением понимается широкий спектр ментальных характеристик и практик, указывающих на комплиментарное отношение к религиозной вере.

Эмпирической базой статьи являются результаты глобального мониторинга Института Гэллапа, всероссийских социологических мониторингов ВЦИОМ и Левада-Центра и региональных социологических исследований, проведенных с участием автора ОАУ "Институт региональной кадровой политики" Белгородской области и АНО "Консалтинговое агентство социального мониторинга и массовых коммуникаций".

Последнее глобальное исследование религиозности, проведенное Институтом Гэллапа в 2012 году в 59 странах, установило, что относительное большинство обществ, попавших в поле зрения социологов (24 из 57), можно в промежуточную по степени религиозности их населения группу (с долей верующих от 50% до 80%). При этом взаимосвязь между уровнем социально-экономической модернизации стран и уровнем религиозности населения прослеживается, но не является обязательной. Так, некоторые модернизированные общества отличаются высоким уровнем инклюзии религиозной культуры (например, Польша). В то же время многие страны с так называемыми развивающимися экономиками и высокой значимостью традиционной культуры (Вьетнам, Турция), не говоря уже о Китае, сохраняющего традиционализм в социальных отношениях и умеренный авторитаризм в политическом устройстве при высоком уровне модернизации экономики, отличаются высоким уровнем секулярности. Традиционная культура, таким образом, далеко не всегда носит религиозный характер, и, например, конфуцианская цивилизация в потребности и восприятии божественной трансценденции весьма далека от традиционного исламского мира. Россия в 2012 году попала в группу стран с умеренным уровнем религиозности населения (55% считающих себя верующими людьми против 59% по выборке в целом). При этом, анализируя динамику религиозности в мире, Институт Гэллапа зафиксировал ее уменьшение — с 2005 года число называющих себя религиозными людьми сократилось на 9 процентных пунктов. Именно это исследование позволило выявить заметную связь между такими переменными, как образование и доход, с одной стороны, и религиозность, с другой [Мир становится..., 2012].

Всероссийские опросы, позволяющие более полно воспроизвести неоднородность российского общества, дают несколько иную картину религиозности российского населения — некоторые — в сторону понижения, а некоторые — в сторону повышения его уровня — в зависимости от характера инструментария. Так, мониторинг Левада-Центра 2018 года выявил 50% россиян, считающих себя "очень религиозными" (7%) и "в какой-то мере религиозными" (43%) людьми. "Не слишком" или "совершенно" нерелигиозными посчитали себя 45% опрошенных. При этом до 2017 года наблюдался последовательный рост доля религиозных (в той или иной мере) людей, после чего она стабилизировалась на отметке половины выборочной совокупности [Общественное мнение..., 2019]. Последний на данный момент всероссийский опрос, проведенный по данной тематике ВЦИОМ (2019 год), установил, что с точки зрения религиозной и конфессиональной самооценки 63% россиян являются православными христианами, 5% — мусульманами, 1% — католиками, 1% — протестантами, 6% — внеконфессиональными верующими людьми, 15% — неверующими, 6% — колеблющимися между верой и неверием, 3% — затруднившимися с религиозным самоопределением [Православная вера..., 2019].

Разница между результатами этих двух опросов определяется попыткой ВЦИОМ измерить одним вопросом сразу и религиозность, и конфессиональную принадлежность россиян, что, безусловно, "повысило" и степень религиозности населения, поскольку идентификация себя с православием (в особенности) или исламом имеет для многих людей социокультурную значимость, гораздо более высокую, нежели определение своего отношения к религиозной вере как таковой. Быть православным для среднестатистического россиянина —

это, прежде всего, способ подчеркнуть свою "русскость". Все социологические опросы, проведенные в России в последнее десятилетие, фиксировали среди россиян большую долю конфессионально ориентированных людей, нежели "религиозных" по самоопределению. Искажение представлений о религиозности населения может повлечь также неоднозначность самого этого понятия и различия в его трактовке как самими респондентами, так и возможную разницу в интерпретации понятия респондентами и социологами. В целом же можно сказать следующее: "верующих" (по самоопределению) среди россиян заметно больше, чем "религиозных" (в той или иной мере), но и из тех, и других лишь не очень значительное меньшинство соответствует критериям "воцерковленности" (понятия, извлеченного социологами религии из православного канона), которую многие социологи считают наиболее адекватным показателем значимости религии и религиозной веры в системе социальных практик [Алексеева, 2009; Возьмитель, 2007; Чеснокова, 2003].

Но, как бы ни относиться к неоднозначности понятийного аппарата социологии религии и методологической чистоте данных, полученных социологами Левада-Центра и ВЦИОМ, последние содержат еще один принципиальный для темы статьи момент. Возрастное распределение ответов показало значительную долю нерелигиозной молодежи, существенно превышающую средние показатели. Среди респондентов 18-24 лет 37% заявили о себе, как о неверующих, и 16% — как о колеблющихся между верой и неверием. Выше среди молодежи оказалась и доля внеконфессиональных верующих — 10%, а также приверженцев ислама — 9% [Православная вера..., 2019].

Таким образом, в России, по всей видимости, начался процесс трансформации религиозности, идущий уже несколько десятилетий в странах Западной Европы и, отчасти, Северной Америки. Для него характерна, прежде всего, распространение внерелигиозной культуры и агностических воззрений, утрата влияния канонического христианства — и как идеологии, и как института, рост внеконфессиональной религиозности и, в небольшой мере, экспансия ислама среди населения, ассоциируемого с традиционно исповедующим христианство.

Безусловно, заметно более высокая доля религиозных скептиков среди российской молодежи, в соответствии с нашей гипотезой о повышенной неравномерности распределения религиозности по социальным группам в "переходных" обществах, не является типичной для всей территории страны. Россия сама по себе крайне неоднородна как в культурно-религиозном, так и в конфессиональном плане, и фактор данной неоднородности влияет еще и на вовлеченность молодежи в соответствующие культурные отношения и социальные практики. Из объяснений динамики религиозности молодежи не следует исключать также макросоциальные факторы, связанные с характером социально-экономической ситуации в обществе. Религиозность, с точки зрения психологов, является мощным компенсационным механизмом, позволяющим купировать те или иные проявления социально-психологической фрустрации, вызванной причинами как макро-, так и микросоциального порядка. Так, в одном из психологических исследований студентов значения религиозности оказались тем выше, чем более фрустрированы (или в меньшей степени доступны для удовлетворения) были наиболее значимые для молодежи жизненные потребности и связанные с ними ценности (доступность любви, материально обеспеченной жизни, общения с друзьями — наличия хороших и верных друзей, счастливой семейной жизни) [Носкова, 2017: 234]. Если же исходить из функциональной специфики российской религиозности, то с определенными оговорками можно согласиться с утверждением С.В. Рыжовой: "институциональная стабильность и неизменяемость традиционных религий обеспечивают современному россиянину психологическую устойчивость, а обрядовая религиозность, связанная с участием в выполнении коллективных церемоний (участие в богослужении или обрядовой праздничной религиозной культуре), через чувство сопричастности к высшему порядку создает условия для поддержания социальной солидарности и интеграции" [Рыжова, 2017, С. 58].

По данным исследования "Изучение духовно-нравственных ориентиров и ценностей населения Белгородской области", проведенного в регионе 2017 году ОАУ "Институт региональной кадровой политики" Белгородской области, к верующим себя отнесли 36,6% опрошенных, и еще 43,3% — к "скорее верующим" — в совокупности 79,9% населения. Неверующими, так или иначе, себя посчитали 16,2% опрошенных. Таким образом, уровень

религиозной самоидентификации населения Белгородской области в целом сопоставим с общероссийскими показателями, если за основу взять выявленных в 2019 году ВЦИОМ 15% неверующих и 6% колеблющихся между верой и неверием. О регулярном (еженедельном) посещении храма или другой культовой структуры заявили 16,4% верующих Белгородской области. Это достаточно много, и эта заметно превышает общероссийские показатели повседневной религиозной активности.

Но хотя подавляющее большинство жителей региона заявили о себе как о верующих людях, убеждены в своей вере лишь чуть более трети опрошенных, а вера как постоянное соотношение своих поступков с божьими заповедями осознается лишь четвертью респондентов [Реутов, 2018].

Целостное понимание уровня и характера религиозных ориентаций молодежи Белгородской области дают результаты социологического исследования "Эффективность реализации молодежной политики в Белгородской области", проведенного в 2019 году АНО "Консалтинговое агентство социального мониторинга и массовых коммуникаций". Выборочная совокупность (4812 представителей подростков и молодежи в возрасте от 12 до 25 лет из всех муниципальных образований) по своей структуре репрезентирует молодежь Белгородской области по признакам пола, возраста, рода занятий и типу поселения.

В соответствии с полученными данными подростки и молодежь Белгородской области представляют собой достаточно гомогенную с точки зрения религиозной самоидентификации, хотя и несколько уступающую в данном отношении населению в целом группе: 44,9% опрошенным отнесли себя к верующим, и 26,6% — к скорее верующим, чем неверующим — в совокупности 71,5% выборочной совокупности. Как неверующих и "скорее неверующих" себя определили 22,5% подростков и молодежи.

Подавляющее большинство (95,4%) считающих себя в той или иной мере верующими людьми отнесли себя к православным, 1,6% — к последователям ислама, 0,5% — буддизма, по 0,2% — иудаизма и католицизма. Таким образом, молодежь и подростки Белгородской области не показали того уровня религиозного скептицизма, как российская молодежь 18-24 лет, 37% которой заявили о себе, как о неверующих людях, и 6% — как о колеблющихся между верой и неверием. Тем не менее, если сопоставлять с данными регионального опроса 2017 года, уровень религиозности молодежи оказался ниже соответствующего показателя населения области в целом.

Наиболее высокий уровень признания себя верующими показала старшая подгруппа опрошенной молодежи — 22-25 лет: 49,6% "верующих" и 30,0% — "скорее верующих, чем неверующих". На втором месте оказались подростки и молодежь 12-18 лет (44,2% и 25,1%, соответственно). Наименее религиозной группой оказались молодые люди 19-21 года (39,1% и 25,4%).

Акцентирование исследовательского интереса на поиск субъективного смысла религиозной веры позволил выяснить, что собственно религиозного, то есть ориентированного на божественную трансцендентность и на соотношение личного бытия с трансцендентным, в этой вере не так уж много. Для половины (52,8%) респондентов, признавших себя в той или иной степени верующими людьми, вера имеет преимущественно этическую подоплеку — "это следование моральным и нравственным нормам". Этика как постоянное соотношение своих поступков с Божьими заповедями является смысловым содержанием религиозной веры у 22,2% верующей молодежи. С личным спасением и общением с Богом, а ведь именно это является сущностным содержанием христианства, соотнесли смысл своей религиозной веры лишь 17,0% верующей молодежи. Соблюдение таинств и обрядность являются базовым компонентом веры для 16,6% верующей молодежи. И, наконец, очень большое смысловое наполнение религиозной веры связано с достаточно абстрактными понятиями, не имеющими прямого отношения или к трансцендентному вообще, или к божественному компоненту трансцендентного в частности: для 27,6% верующей молодежи вера, преимущественно — это гармония внутреннего и внешнего мира, для 22,2% — исток духовных ресурсов, позволяющий человеку оставаться человеком, для 14,4% — надежда на всеобщий закон, на высшую справедливость. Еще 14,0% опрошенных считают себя верующими людьми, особо не задумываясь над этим, в силу привычки.

Характерно, что наиболее адекватно смысл своей религиозной веры с точки зрения христианского мировоззрения и практики определила самая младшая подгруппа — 12-18 лет.

Из них 25,9% указали на постоянное соотношение своих поступков с Божьими заповедями, 20,4% — на личное спасение, общение с Богом, и 18,4% — на соблюдение таинств и обрядов. Не исключено, что на этом сказались результаты преподавания в школах "Основ православной культуры".

Таким образом, хотя молодых людей, относящих себя к неверующим, не так уж много, те, кто последовательно поверяет свои поступки Божьими заповедями и/или ориентируется на идею спасения через личное общение с Богом, составляют меньшинство верующих. Чаще всего вера представляется некой квинтэссенцией этики, ориентирующей людей на добрые поступки, а также мерилом и фактором духовной целостности личности. С соответствующим характером религиозности связана и относительно невысокая повседневная религиозная активность — лишь 8,5% от всей совокупности верующих отметили регулярное (еженедельное) посещение храма или другой культурной структуры. Это в два раза меньше соответствующего значения по области в целом, выявленного в 2017 году. Вероятно, реальный, а не декларируемый уровень регулярного посещения церковных служб молодыми людьми еще ниже. Доминирующий среди верующей молодежи характер посещения храма — "от случая к случаю" (43,6%) и "по праздникам" (27,0%).

Большая часть верующей молодежи, посещающей храм не чаще чем 2-3 раза в год или не посещающей вообще, оказалась либо в принципе не в состоянии отрешиться от своего бездействия в данном отношении (34,5% затруднились с ответом на данный вопрос), либо продемонстрировала внецерковное понимание религиозности — "считаю, что можно верить в Бога и не посещать церковь" (33,4%). То есть для двух третей молодежи, заявивших о себе как о верующих в той или иной мере людей, религиозная и конфессиональная идентичность оказалась никак не связанной со стандартными религиозными практиками и соблюдением таинств, если речь идет о православных христианах. Как и субъективный смысл религиозной веры, это также говорит о религиозности молодежи как достаточно условной и абстрактной категории, мало связанной как с повседневными практиками, так и с жизненными ориентирами.

Таким образом, опираясь на данные общероссийских и региональных социологических исследований, следует отметить, что уровень религиозности молодежи, если измерять его субъективным параметром веры в бога, ниже, чем у населения в целом, но эта разница может достаточно сильно варьировать в зависимости от конфессиональной принадлежности, региона проживания и характера религиозной политики местных властей. В Белгородской области уровень религиозности молодежи немногим ниже, чем населения в целом. Религиозное самоопределение подростков и молодежи носит достаточно массовый (около 70% аудитории), но слабоакцентированный на смысловом содержании религиозной веры характер. В основном вера в Бога рассматривается как аналог морально-этического императива. Регулярное посещение церкви отмечено менее чем у десятой части подростков и молодежи, признающих себя верующими людьми, при этом по меньшей мере треть верующих по самоопределению являются приверженцами внецерковных и внеобрядовых принципов верования и примерно еще столько же, если не больше — стихийными сторонниками соответствующих практик.

Литература

1. Алексеева М.С. Воцерковленность как показатель религиозности // Социологические исследования. 2009. №9. С. 97-102.
2. Возьмитель А.А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. №2. С. 110-117.
3. Мир становится менее религиозным. URL: <https://romir.ru/studies/mir-stanovitsya-menee-religioznum> (дата обращения: 30.08.2019).
4. Носкова О.Г. Религиозность современной молодежи и способ ее оценки // Мир психологии. 2017. №3. С. 227-238.
5. Общественное мнение — 2018. М.: Левада-Центр, 2019. С. 116. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/03/OM-2018.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).

6. Православная вера и таинство крещения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> (дата обращения: 30.08.2019).
7. Реутов Е.В. Уровень и характер религиозности в регионе (социологический анализ) // Социология религии в обществе Позднего Модерна: религия, образование, международная интеграция: сборник статей по материалам VII Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», 21-22 сент. 2017 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. — Белгород: Центр социологических исследований НИУ «БелГУ», 2018. — С.110-118.
8. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Том 23. №3. С. 44-63.
9. Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003. С. 112-145.

Хомякова А.П.

Мотивация выбора нетрадиционных верований

Исследовательская группа ЦИРКОН –независимая частная исследовательская компания, специализирующаяся на проведении социологических и маркетинговых исследований, информационно-аналитическом обслуживании и управленческом консультировании

Аннотация. В статье представлены результаты исследования «Нетрадиционные верования в России. Оценка потенциала распространения», проведенного Исследовательской группой ЦИРКОН в июне 2019 г.

Феномен нетрадиционной религиозности представляет определенную трудность для изучения в силу своей разнородности, неоднозначности и подверженности идеологическим клише, социальным мифам и стереотипам. Вместе с тем, нельзя не признать, что, с точки зрения социологии, новые религиозные движения выполняют важную социальную функцию — способствуют повышению субъективного качества жизни людей, удовлетворению их экзистенциальных потребностей, развитию благотворительности и т.п. Сегодня достаточно значимое число россиян в поисках своей духовной и религиозной идентичности сознательно отдают предпочтение именно новым религиозным движениям. В статье анализируются наиболее типичные причины, побуждающие людей делать такой выбор. Среди наиболее типичных мотивов можно обозначить следующие: возможность свободы религиозного выбора, акцент на индивидуализм и независимость, ориентация на быстрый результат и позитивное подкрепление, принцип ответственности и осознанности в выборе своего духовного пути.

Ключевые слова: религиозная идентичность, новые религии, альтернативные религии, новые религиозные движения (НРД), мотивация религиозного выбора.

Khomyakova A.P.

Motivation for choosing non-traditional faiths

ZIRCON Research Group – non-government Research company, specializing in social research, information and analytical support and consulting

Abstract. The article presents the result of research «Non-traditional faiths in Russia. Assessment of potential for proliferation» conducted by ZIRCON Research Group in June 2019.

Non-traditional faiths phenomenon poses a certain challenges for study owing to the heterogeneity, ambiguity and exposure to ideological clichés, social myths and stereotypes. At the same time an important function, performed by religious movements, should not be disregarded as far as their efforts to better subjective well-being, meeting human existential needs, development of charity or humanitarian assistance are concerned. A significant number of Russian population today give preference to some new religious movements in search of spiritual and religious identity. The most common reasons for such human option are analyzed in the article. The following considerations were highlighted among the typical motives: freedom of religious belief, value of individualism and